

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА

© 1995 г., ЭО, № 1

И. В. Долженко

РУССКИЕ БЕГЛЕЦЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ

(к истории формирования русской
диаспоры в 1830—1850-е годы)

В истории русского народа переселения разного характера были явлениями постоянными. Один из их результатов — заселение русскими окраин Российской империи. В частности, миграционные процессы были активными в XIX в. Они имели значение как для областей, откуда шло выселение, так и для территорий, на которых обосновывались переселенцы: в местах массового притока мигрантов изменялась социальная структура всего населения, направление и уровень развития хозяйства и т. п., по-новому складывался быт новоселов. Перемещения совершались под контролем правительственных органов либо стихийно, не только вне государственного контроля, но и в нарушение законов, другими словами — в форме побегов. К настоящему времени в исторической литературе достаточно подробно разработана тема побега на материалах Урала, Сибири, частично Прибалтийских земель¹.

Данная статья посвящена роли беглых в русской крестьянской колонизации Закавказья. В работе изложены первые результаты изучения документов по следующим вопросам: социальный состав беглых, места выхода беглецов, характер взаимоотношений беглых с крестьянской средой, политика правительства в отношении этой группы русского населения Закавказья. Хронологические рамки работы ограничиваются 1830—1850-ми годами. Именно в этот период в Закавказье складывался массив русского этноса, и наряду с широким организованным переселенческим движением стойким явлением были побег.

Бегство являлось актом социального протеста, элементом стихийной борьбы против крепостного права, рекрутчины и произвола бюрократии. Правительственные органы всерьез занимались изучением побегов с целью предотвращения таковых, о чем свидетельствуют судебно-следственные дела. На основании фактического материала, содержащегося в них, построена данная работа².

В Закавказье основной массив русских стал складываться в результате широких правительственных мер, обусловленных двумя указами. Указ от 20 октября 1830 г. открыл дорогу в Закавказье сектантам — молоканам, духоборцам, субботникам и определил две формы миграции под контролем правительства: принудительное переселение сектантов, т. е. ссылка, и добровольное переселение, когда инициатива крестьян подкреплялась определенной организаторской работой со стороны властей³. Наличие обширных резервных пространств в Российской империи было не только важным фактором процесса первоначального накопления, но и служило средством ослабления социальных конфликтов во внутренних губерниях России, в частности, переселяя сектантов на окраины, правительство и церковь стремились изолировать их от православного населения и таким образом пресечь их влияние.

Указ от 10 октября 1838 г. о создании военных поселений вызвал появление в Закавказье крестьян православного исповедания, в основном членов семей солдат, служивших в крае⁴. Забегая вперед, можно отметить, что численность русских православного исповедания уступала сектантам. Так, в 1880-е годы они

составляли лишь 24,2% от общего числа русских, проживавших на территории Восточной Армении⁵.

Однако во второй четверти XIX в. рост русского населения Закавказья происходил не только за счет правительственной колонизации и естественного прироста, но и в результате вольной крестьянской миграции из внутренних губерний России, начавшейся задолго до присоединения этого региона к России, когда крестьяне в поисках лучшей жизни спасались бегством за пределы страны.

Усиление феодально-крепостнического гнета, выражавшееся в росте феодальных повинностей, изъятия у крестьян земли, наступлении на крестьянские права и традиции, усилении мер внеэкономического принуждения, ухудшение положения всех категорий крестьянства, а также все более настойчивое стремление крестьян добиться свободы хозяйственной деятельности, вызвало в первой половине XIX в. огромное число крестьянских побегов на окраины Российской империи⁶. В первой трети XIX в. в период военных действий приток беглых увеличился: они проникали с обозами, сопровождавшими войска. Однако в условиях военного времени власти были не в состоянии принимать меры к ограничению потока беглых. В 1830-е годы, когда организованное правительством переселение русских постепенно приняло большие размеры и переселенцы шли большими группами в несколько сот человек, объединявшими крестьян из одного селения или уезда, к ним по пути присоединялись и беглые: неупорядоченная система прибытия открывала большие возможности для легализации беглецов в Закавказье⁷. В результате свободное перемещение крестьян, так называемое «вольное бродяжничество», приняло такие размеры, что в 1837 г. верховной властью края были предприняты срочные меры к его пресечению: предписывалось усилить деятельность полиции по выявлению «бродяг» и строгому наказанию тех, кто занимался укрывательством их — «пристанодержательством»⁸.

Стихийная, или вольная, миграция, судя по отложившимся в губернских правлениях документам, носила волнообразный характер и состояла из подъемов и спадов. Рост самовольной миграции находился в определенной зависимости не только от усиления феодально-крепостнического гнета, но и от привходящих факторов: стихийных бедствий — неурожая, голода, эпидемий, с распространением слухов о воле при важных событиях внутри- и внешнеполитического характера.

Географическая направленность стихийной миграции нередко определялась социально-утопическими легендами о «вольной и богатой земле». В первой трети XIX в. среди крестьян распространилась легенда об Араратском царстве. В представлениях молочан Араратское царство являлось «праведной землей» — землей обильной и справедливой в социальном, экономическом и религиозном отношении⁹. Фантастическим краем изобилия и воли рисовалась в легенде Анапа, куда устремился большой поток беглецов в 1830-е годы. Возникновение этой легенды имело основу — указ от 5 апреля 1832 г., который разрешал «желающим людям свободного состояния» и крестьянам селиться на северо-западном берегу Черного моря, в том числе и в крепости Анапа. Поселенцы освобождались от податей и повинностей, включая и рекрутскую¹⁰. Анапа стала местом притяжения беглых крестьян. Однако жизнь там оказалась не столь сказочной, и многие из беглецов направились в Закавказье¹¹.

Волна побегов 40-х годов XIX в. была связана со слухами о готовящемся манифесте, согласно которому в случае, если манифест застанет крепостных на Кавказе, они должны быть переведены в казаки и наделены землей. Движение охватило 14 губерний. В 1847 г. действительно появился указ, призывающий людей свободных профессий переселиться на Кавказ. Хотя о крепостных в указе ничего не говорилось, но они истолковали его по-своему, и движение разрослось. В одной Курской губернии приготовилось переселиться на Кавказ около 20 тыс. крепостных из 46 селений. Этот огромный поток был остановлен только вмешательством военной силы¹².

В 1850-е годы бегство крестьян в Закавказье не только не прекратилось, а наоборот усилилось. Среди крестьян имела широкое хождение легенда о вольной

жизни русских в Турции, связанная, вероятно, с казаками-некрасовцами, проживавшими в придунайских землях Османской империи. В приграничных районах имели место нелегальные переходы русских за пределы государства.

Во второй половине 50-х годов XIX в. в Закавказье появляются «ратники» — участники ополчения в период Крымской войны. По слухам, распространившимся среди крепостного крестьянства, ополченцы и их семьи должны были получить свободу. Однако надежды крестьян не оправдались, и узнав, что ратники не меняют своего сословного статуса, ополченцы, не пожелав возвращаться в прежнюю неволю, бежали в Закавказье. В некоторых селениях, например Новоивановке Елисаветпольского уезда той же губернии, число осевших беглецов-ополченцев было настолько велико, что крестьяне окрестных сел до сих пор называют новоивановцев ратниками.

Хотя количественными характеристиками мы не обладаем и вряд ли даже выявленные сведения по вполне понятным причинам будут соответствовать действительности (ведь беглецы старались скрыть факт своего бегства), однако на основании архивных документов можно с уверенностью сказать, что основную часть беглых составляли крепостные крестьяне, принадлежавшие помещикам или удельному ведомству. Кроме них были и государственные крестьяне, и мастеровые-отходники, отлучившиеся с мест жительства без разрешения местных властей или же просрочившие паспорта. Согласно правительственным законодательным актам, в число бродяг попадали не только действительно беглые, но и все лица, не имевшие вида на жительство. Определенную часть среди беглых составляли преступники, бежавшие из-под конвоя. По конфессиональному признаку среди беглецов были как православные, так и сектанты.

Судебно-следственные дела содержат конкретный материал о причинах бегства, которые оставались неизменными на протяжении 1830—1850-х годов. В показаниях крестьян наиболее часто указывались произвол и самоуправство со стороны помещиков и управляющих имений. Так, помещичий крестьянин с. Стречинское Моршанского уезда Тамбовской губернии указывал, что «отлучился с места жительства... по случаю притеснений и побоев, наносимых ему управляющим имением помещика»¹³. Один из задержанных заявил, что находился «в сильном угнетении» от помещика: «недели не проходило, чтобы два или три раза не был бы наказан без всяких причин розгами»¹⁴. Егор Капранов из Балашевского уезда Саратовской губернии также указывал на жестокое обращение помещика¹⁵. За этими общими формулировками, принятыми в официальном делопроизводстве, скрывались тяжкие наказания и надругательства над крестьянами, вынуждавшие их бросать семьи, подвергаться лишениям и опасностям в пути. Многие крестьяне указывали на непомерные феодальные повинности, в основном на тяжелую барщину¹⁶.

К причинам социального характера нередко присоединялись и религиозные мотивы. Крестьянин Балашевского уезда И. Карягин «отлучился» без разрешения в Закавказье не только из-за больших податей, но и поддавшись на «уговоры» молокан¹⁷. Преследование за «придержанье молоканской секты», насильственное обращение в православие, а также ущемление сектантов в социально-экономической, религиозной жизни были причинами многих побегов в Закавказье, где сектантам, в отличие от внутренних губерний России, были предоставлены льготы в хозяйственной деятельности, отправлении религиозных обрядов¹⁸.

Семейные неурядицы также являлись поводом для совершения побега. Крестьянин Саратовской губернии М. Юрасов бежал не только из-за притеснений управляющего, но и «по причине... неповиновения жены»¹⁹. Беглая из Екатеринославской губернии Ульяна Дмитриева показала в суде, что она бежала, «имевши стеснение от помещика своего и бывши в негодовании на мужа», который находился в бегах «неизвестно где»²⁰.

На побегι толкали крестьян и слухи о «хороших заработках» и вольной жизни на Кавказе, которые имели под собой основу. Крестьянка удельного ведомства из с. Язовка Аткарского уезда Саратовской губернии вместе с дочерью в 1851 г.

«отлучилась» без письменного вида, переходя из селения в селение, из города в город, добывая себе пропитание заработками, «за кои, чем ближе к здешнему краю, плата увеличивалась...»²¹

Среди беглецов немало было и рекрутов. Отправка в рекруты ставила человека в оппозицию не только к государству, администрации, но и к крестьянскому миру, а иногда и к семье. Рекрутство являлось удобным способом избавиться от строптивых крестьян-сектантов. В семье беглого крестьянина Сачкова два женатых сына были отданы в солдаты вне очереди за «приверженность к молоканству»²². Так поступили и с удельным крестьянином Федором Касымсковым, уроженцем с. Мелики Балашевского уезда Саратовской губернии, который причинял немало беспокойства администрации имения, за что и был вне очереди отдан в рекруты, откуда бежал в Закавказье²³.

Бегством были охвачены все имущественные группы крестьян, наряду с бедными бежали и состоятельные крестьяне, которые надеялись добиться свободы хозяйственной деятельности, перебравшись в более богатые в земельном отношении края, а также на окраины и в предместья городов, где начинало развиваться капиталистическое производство. В этом отношении в Закавказье существовали благоприятные условия: высокое земельное обеспечение, льготы в системе податей, освобождение от рекрутской повинности русских переселенцев. В городах Закавказья возникавшие казенные и частные мануфактуры требовали большого числа рабочих рук. Принятые в 1830-х годах законы разрешали закавказским сектантам уходить на заработки, менять податное сословие — переходить из крестьянского сословия в мещанское и т. д.²⁴

Среди беглецов были выходцы из разных губерний (Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Рязанской). Обращает на себя внимание непрекращавшийся поток беглых из Саратовской губернии. Особенно большие размеры приняло бегство крестьян в 1850-е годы из имений помещиков Львова и Нарышкина. Это было неслучайно. В этой черноземной губернии помещики пытались выйти из назревавшего кризиса крепостничества за счет перевода крестьян с оброка на барщину, что в большей степени, чем оброк, сковывало хозяйственную инициативу крестьянина. Так, в саратовском имении Нарышкина количество барщинных крестьян за 3 года (1843—1845 гг.) возросло более чем в полтора раза²⁵. Крестьян заставляли интенсивнее работать на барщине путем применения жестоких наказаний, установления сложной системы опеки и надзора, что вызывало их протест.

Индивидуальные побегі были постоянным явлением в крепостной деревне. Нередко случалось, что из семьи бежал один человек, а через несколько лет к нему перебирались остальные родственники. Бежали и целыми семьями. Постепенно распространились массовые побегі. Так, из с. Бобылевка Саратовской губернии в течение 2 месяцев 1849 г. бежали две группы общей численностью в 22 человека²⁶.

Некоторые селения, например с. Саратовка Александропольского уезда, были образованы выходцами из этой губернии. Несомненно, они сохраняли связь с родными местами, и уже в течение первых двух-трех лет после отъезда родня и соседи получали от уехавших сведения об устройстве на новом месте, о природе, сельскохозяйственных условиях. Первые хорошие урожаи на новых землях и удачное хозяйственное обзаведение переселенцев, а для сектантов возможность совершать религиозные обряды были лучшей агитацией за переселение. Вольная жизнь русских сектантских общин Закавказья без налогов в первые годы, рекрутчины, без православных священников — все это казалось невероятным русскому крестьянину внутренних губерний России и постепенно оформлялось мыслью о неизбежном побеге к своим единоверцам в далекое Закавказье.

Задержанный в 1858 г. беглый рекрут Нестор Бушкин из удельных крестьян Саратовской губернии объяснял, что сестра, переселившаяся в 1843 г., «писала к нам часто письма, что в Грузии жила хорошо», а односельец Иван Филатов Касымсков «в письмах своих смущал нас, проживающих в Грязнухе, перебраться в этот край, обещая дать нам места»²⁷.

Бегство крестьян наносило существенный ущерб помещикам. Некоторые из них через земский суд публиковали объявления о побеге своих крестьян с указанием их примет, другие никаких мер к розыску беглецов не принимали²⁸.

Некоторые беглецы, проскитавшись несколько лет, возвращались назад. Так, в 1858 г. удельный крестьянин из Саратовской губернии Финоген Бушкин вместе с женой и сыном, прожив в с. Маразы (Бакинская губ.) у дочери около двух лет, вернулся на родину, так как ему «не понравился этот край и горы»²⁹. Молодой крестьянин Мещеряков, бежав в Закавказье «без всякого ведома родителей», после года странствий просил отправить его домой по этапу, так как у него не было денег и письменного вида³⁰. Многие помещики не доверяли беглым крестьянам, даже если они «пришли из бегов вольно», предпочитали избавиться от них, поскольку возвращенные крестьяне часто не только убегали снова, но и увлекали за собой других крестьян. По этой причине и правительство считало нецелесообразным возвращать бежавших крестьян на старые места.

В свою очередь, боясь розыска со стороны помещика, беглецы нередко меняли свои имена и фамилии. Семен Иванов Книгин, крестьянин помещика Нарышкина, бежавший в Закавказье с женой и тремя детьми, стал называть себя Иваном Бардаковым, Ларион Мойсеев Стручалин изменил имя и фамилию на Дмитрия Овчинникова³¹.

Одним из каналов, по которым шло увеличение лиц, причисляемых правительством к беглым, было отходничество. Оно широко распространилось в первой половине XIX в. в связи с ростом промышленности, транспорта, торговли, предъявлявшими большой спрос на рабочие руки, развитием товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве, малоземельем. Отход крестьян представлял экономические выгоды и для помещиков, особенно в нечерноземных губерниях, где доходы от сельского хозяйства были невелики. Крестьяне получали разрешение (государственные крестьяне — от волостного правления, помещичьи — от помещиков) на уход с постоянного места жительства на ограниченный срок — на полгода, год с условием выплаты определенной суммы денег. По истечении этого периода при своевременном поступлении денег крестьянин мог получить разрешение отсутствовать новый срок.

Отход с полученным на определенный срок паспортом являлся удобным способом бегства, и многие крестьяне, отправлявшиеся в отход, знали, что не вернуться на родину. Отход развивал в крестьянине самостоятельность, чувство «непокорности» и критического отношения к господствующим порядкам. Нередко, когда помещик предписывал крестьянам-отходникам вернуться домой, многие отказывались. Так, в 1842 г. крестьянин Кирсановского уезда Тамбовской губернии Константин Суваркин отправился в Закавказье по полугодовому паспорту. По окончании срока помещик потребовал вернуться, но крестьянин «не пожелал» и оставался в крае до 1859 г. без всякого письменного вида³². Не возвратившийся вовремя отходник считался беглым и подлежал сыску.

Иногда крестьяне жили в отходе подолгу. Николай Фандевич из Орловской губернии в 1840 г. получил паспорт от помещицы. Будучи каменщиком, он 9 лет проработал в Крыму, затем 3 года на строительстве моста через Куру в Тифлисе. Все 12 лет он аккуратно высылал подати и получал разрешение остаться на новый срок. В 1852 г. тяжелая болезнь не позволила ему вовремя отправить деньги, и таким образом он остался без письменного вида³³.

По мере укрепления государственной власти на местах и усиления масштабов сыска стало затруднительным нелегальное проживание беглецов, и беглые старались достать подложные документы — отпускные билеты, паспорта на чужое имя. Высокая неграмотность среди крестьян, а также незнание русского языка коренным населением делали жизнь беглеца, даже с фальшивыми документами, относительно безопасной. Неграмотный бродяга Иван Васильев купил в Тифлисе на базаре паспорт, выписанный на жителя Курской губернии Капитона Богданова. Несмотря на то, что документ оказался просроченным, сельские власти в грузинских селениях беспрепятственно пропускали его³⁴.

Судебно-следственные дела рисуют типичную для окраин ситуацию, когда беглые активно включались в трудовую жизнь региона, в хозяйственное освоение русскими новых для них территорий. Добравшись до Закавказья, часть беглецов задерживалась в городах, в первую очередь в Тифлисе, где было легче приобрести паспорт или жить без него. Здесь они всегда могли найти работу. Один из задержанных бродяг прожил в Тифлисе 7 лет, и все это время он занимался поденной работой, ночлег имел, «где приходилось»³⁵. Другой беглый летом нанимался в работники к немецким колонистам — «на сенокосы и в огородах», а зимой работал в Тифлисе у молокан, но так как он не имел билета, то его «нигде долго не держали»³⁶. Беглецы находили работу на рыбных промыслах Каспия — Сальянском, Абдульском, Зубовском, Божьем. Часть беглых работала на разных мануфактурах. Среди беглецов были искусные ремесленники, которые нанимались на работу к местным и русским мастерам, плотничали, занимались выделкой кож³⁷.

Так как основную часть беглых по социальному происхождению составляли крестьяне, то крестьянские традиции определяли и их жизнь. Архивные документы колоритно рисуют картину настроений русских крестьян в Закавказье по отношению к беглым в первой половине XIX в., конкретную помощь, которую они тем оказывали. В условиях Закавказья, где внешний облик человека, незнание местных языков сразу выдавали беглеца, только поддержка русских крестьян могла спасти его от поимки. Однако необходимо иметь в виду, что русское население Закавказья само являлось первопоселенцами, и механизм взаимодействия переселенцев, коренного населения и губернских властей был неотлаженным, особенно в 1830-е годы. Это усложняло жизнь и крестьянских миров, и беглецов, между которыми, несмотря на все сложности, существовали тесные взаимоотношения. Помощь беглецам со стороны крестьян носила коллективный характер — исходила от всего крестьянского сообщества. Сельская община в сокрытии и помощи беглым играла роль своеобразного организующего начала.

Слабый административный контроль позволял беглецам переходить из одного селения в другое. Многие беглые находили временное пристанище в русских деревнях. Русские крестьяне-старожилы нанимали беглых на сезонные работы — пахоту, сенокос, жатву, молотьбу, не интересуясь ни прошлым этих людей, ни тем, есть ли у них билеты или паспорта, вполне удовлетворяясь соображением, что беглые обычно были добросовестными работниками, хотя наем на работу людей без письменного вида считался укрытием беглых, или «пристанодержательством». Единственно, чего они остерегались — нанимать таких работников на срок свыше 6 месяцев, так как в этом случае по закону «пристанодержателю» грозило тюремное заключение и крупный денежный штраф. Однако репрессии местных властей не могли остановить поддержки крестьянскими мирами беглых.

В свою очередь, чувство благодарности к тем, кто давал им работу, кормил, пускал на ночлег, заставляло беглых на допросах не называть имена «пристанодержателей», отговариваясь неопределенными фразами или ссылаясь на лиц, которые, как выяснялось в процессе следствия, умерли или сменили место жительства. В этом отношении типично заявление уроженца Рязанской губернии задержанного Блюмова: «Во все время побега я постоянно ни у кого, ни в городах, и ни в селениях не жил, никто меня не скрывал и не передерживал...»³⁸.

Естественно, беглецы, особенно семейные, по прибытии в Закавказье старались как можно скорее обустроиться — получить землю, обзавестись хозяйством. В то же время сельские общины при наличии свободных земель были заинтересованы во включении в свое общество семейных крестьян. Кроме экономических причин — иметь крепкую платежеспособную единицу, определенную роль играло стремление усилить религиозную общину за счет новых единоверцев.

Нередки были случаи, когда община способствовала легализации беглого, для чего крестьяне прибегали к самым разнообразным средствам, вплоть до подкупа официальных лиц. В 1833 г. среди молокан, поселенных в Карабахе, были обнаружены семьи беглых — 22 человека. При расследовании выяснилось, что они, помещицы и экономические крестьяне Тамбовской губернии, перебрались в За-

кавказье вместе с партией переселявшихся сектантов. В Карабахе беглые обратились к ним с просьбой зачислить их в сельское общество. Узнав о согласии местного пристава «выправить» беглым паспорта по 100 руб. за каждого, крестьянский мир на сходе согласился не только принять их к себе, вписав на место умерших, но и внести за одного неимущего указанную сумму, собрав деньги в складчину³⁹.

Одним из способов легализации беглецов Закавказья была широко распространенная во всех русских селениях практика составления фальшивых посемейных списков, в которые включались беглецы. Обычно посемейные списки русских поселений составлялись лишь через несколько лет после прибытия, в период наделения землей, когда в численном и структурном составе семей происходили изменения. Нередко крестьяне вписывали в свои семьи посторонних на места умерших (обычно за определенную плату) и выдавали их за своих родственников. Иногда это делалось из чувства религиозной солидарности и глубокой симпатии к беглецам, тем более, что некоторые русские сами еще недавно были в таком же положении и лишь счастливый случай помог им избежать сурового наказания за свой проступок. Иногда старожилы шли на это из экономических интересов, испытывая насущную потребность в добавочных рабочих руках, так как в первые годы жизни на новых местах сравнительно небольшой численный состав неразделенных и особенно малых семей не позволял обходиться собственными силами при ведении комплексного хозяйства⁴⁰.

К началу 1850-х годов процесс обустройства переселенцев, прибывших в Закавказье в 1830—1840-е годы, в основном был завершен. В 1851 г. была проведена камеральная проверка русских селений с целью выявления наличного числа *дымов* (т. е. домохозяйств) и численности крестьян. Повторная проверка в 1857 г. обнаружила большое число лиц, появившихся в списках после 1851 г., которые, по свидетельству чиновников, «неизвестно, откуда взялись». Например, в Воронцовке к семье Пантелея Корнеева были приписаны два брата жены, 15 и 18 лет, «без объяснения их фамилий и откуда взялись»⁴¹. Чиновник также обратил внимание, что к хозяйству 56-летнего Алексея Добрынина, жившего совместно с двумя взрослыми сыновьями, приписаны «какой-то племянник Тимофей Карякин 16 лет с женой и сыном, но откуда взяли, — необъяснимо»⁴². Впоследствии при допросах беглых случайно выяснилось, что вместо умершего приемыша, который действительно жил в семье Добрынина, был приписан беглый помещичий крестьянин с семьей из Саратовской губернии⁴³. Примечательно, что приписка была сделана Алексеем Добрыниным, который в глазах уездной администрации принадлежал к числу «почетнейших» членов общины и пользовался особым доверием начальства: в 1849 г. он являлся старшиной Лорийского сельского общества.

Русские крестьяне содержали пристанища для беглецов, где скрывали их, кормили и одевали. В нескольких судебных делах упоминается пчельник около с. Башкичета Тифлисской губ., принадлежавший воронцовскому молоканину⁴⁴. Здесь беглые находили приют, иногда на несколько недель.

По отношению к беглым сельская община находилась в крайне сложном и противоречивом положении. С одной стороны, сельская община являлась административным, фискальным и полицейским институтом и должна была обеспечивать безопасность в селении, пресекать преступления, задерживать бродяг и беглых. Сельское общество имело собственный аппарат сыска для задержания подозрительных лиц. Непосредственно эти обязанности вменялись старшине и десятнику, а также «обывательским казакам». Эти лица выбирались на сельском сходе. Им не разрешалось отлучаться из селения, они должны были иметь наготове в любое время суток оседланных лошадей на случай преследования беглых. В военных поселениях надзор за незнакомыми людьми, появившимися в селении, осуществлял смотритель селения.

С другой стороны, крестьянская община всячески уклонялась от навязываемых полицейских функций, в которых крестьяне не были заинтересованы, и

взаимоотношения крестьянской общины с беглыми были весьма далеки от требований и норм государственной администрации. Традиции крестьянской солидарности, сцементированные религией, приводили к прямо противоположным результатам, и крестьяне нередко успешно противодействовали розыску беглых.

Многочисленные факты свидетельствуют о солидарности крестьянских миров в неподчинении властям, в укрывательстве беглых. Особенно ярко «зловредные действия по передержательству бродяг» проявлялись в сектантских селениях. Отношение властей к сектантам, составлявшим основную часть русского населения Закавказья, как к возмутителям спокойствия (что по их мнению было несправедливо), память о недавно перенесенных на родине гонениях, создавали в среде сектантов, особенно ссыльных, благоприятную почву для сопротивления административным мерам, касающимся беглых.

В Восточной Армении одним из таких «беспокойных» селений являлось с. Никитино Александропольского уезда Эриванской губернии. Оно было основано в 1840 г. выходцами из с. Алгасово Моршанского уезда Тамбовской губернии, поведение которых «не одобрялось» и на родине, за что многие первопоселенцы появились в Закавказье «по распоряжению правительства», т. е. были сосланы. Но и в Армении сектанты продолжали доставлять немало хлопот властям. В 1849 г. в селении одновременно проводились дознания по четырем делам: о бегстве из-под охраны военного дезертира; об оказавшемся у молокан в услужении мальчике православного исповедания, что категорически запрещалось; о бракосочетании несовершеннолетнего Филиппа Аринина и о сокрытии беглой крепостной Прасковьи Валовой⁴⁵. Очень активно расследовалось последнее дело.

В 1849 г., спустя 9 лет после переезда в Армению, попечителем над русскими поселянами была «открыта» в с. Головино беглая молоканка Прасковья Валова. В ходе расследования выяснилось, что «будучи теснима» управляющим именем за отказ принять православие, она бежала с группой государственных крестьян-сектантов, переселявшихся из Тамбовской губернии в Закавказье. По дороге Валова была записана в семью Осипа Лушников на место его дочери, умершей в дороге, и названа ее именем Авдотью. Попытка Лушников выдать ее замуж за кого-нибудь из односельчан не увенчалась успехом: крестьяне, следовавшие в этом обозе, знали, что она беглая, и опасались неприятностей. Прибыв в Закавказье, обоз в течение месяца оставался в селце Головино, где беглую выдали замуж за головинского жителя. На обряде бракосочетания присутствовали многие из этой партии переселенцев, впоследствии основавшие с. Никитино. Чиновники, производившие дознание, прекрасно понимали, что почти все никитинские молокане, прибывшие в 1840 г., причастны к делу о «передержательстве» — сокрытии беглой. В рапортах губернскому начальству они указывали на роль религиозной солидарности: «молокане по сектаторскому [сектантскому. — И. Д.] своему братству самого важнейшего преступника, если он живет в сектаторском согласии с ними, не выдадут в руки правосудию и при спросе о поведении его всегда одобряют оное...»⁴⁶. Действительно, допросы крестьян ярко продемонстрировали заступничество за своих единоверцев: давали уклончивые ответы, отговариваясь незнанием, ссылаясь на плохую память, на «давность времени», на возраст и т. д.⁴⁷. Также не смогли добиться от них сведений, кто совершил обряд бракосочетания и кто присутствовал на нем.

Как показывает анализ судебных материалов, в каждом селении имелось несколько человек, которые выделялись своей активностью в помощи беглым, неприятием местной администрации. Обычно это были смелые, умные, часто грамотные люди, среди них было немало ссыльных. Например, в с. Никитино из семи человек «вожачков» четверо были сосланы за отказ от православия. Один из них, Василий Букреев, являлся десятником, однако его действия находились в прямом противоречии с возложенными на него общественными обязанностями. Эти люди создавали определенный микроклимат в сельском коллективе не только по отношению к беглым, но и к односельчанам, которые отказывались давать ложные показания. По свидетельству чиновников, ссыльные, настроенные

«фанатично» и лишённые надзора со стороны местного духовенства, оказывали «вредное влияние на других сектантов»⁴⁸.

Узнав об «открытии» беглой, ночью в доме Букреева собрались крестьяне, чтобы договориться о том, как им вести себя при допросах — «дать наставления». Некоторые из приглашенных, узнав о намерениях собравшихся, ушли с ночной сходки, чем вызвали негодование оставшихся, которые решили всю вину свалить на них⁴⁹. Следовательно отмечал сложное положение в селении таких «благонамеренных и добросовестных» людей, которых «каждый упрекает в предательстве своих духовных братьев; все прекратили с ними всякие сношения общежития, отказывают им в совершении всяких религиозных обрядов и, одним словом, делают им... всевозможные угнетения»⁵⁰. Такое положение изгоев заставляло крестьян отказываться от показаний и в последующем не идти против сельского мира.

Недовольство крестьян политикой, проводимой государственной по отношению к беглым, выливалось в форму борьбы против сельских должностных лиц — старшины, его помощника и других. По мнению крестьян, сельское начальство должно было не выполнять приказаний уездного начальства, если они шли вразрез с мнением крестьян. По отношению к сельскому старшине Пигареву, который активно участвовал в следствии по делу о беглой, «оказывались неуважение и грубость оскорбительными словами, распуская вредные толки и угрозы...»⁵¹. От сельского писаря крестьяне требовали исполнения их приказаний, а не начальства, «беспрестанно твердя, что не сельское начальство производит жалованье, а общество, твердя при том... безумные требования и угрозы, основанные на сектаторском братстве и на правах общественного голоса, в сущности возмущающие общественное спокойствие и населяющие неуважение и непослушание законной власти»⁵².

Вряд ли простой оплошностью можно было объяснить случаи побегов задержанных беглых, содержащихся под стражей в русских деревнях. Напротив, при внимательном ознакомлении с документами встает картина преднамеренной помощи беглецам. В 1849 г. в окрестностях с. Никитино был задержан военный дезертир Александр Батаев и помещен под стражу в дом местного кузнеца. Несколько раз в день, якобы по делам к хозяину избы, приходили сельчане и о чем-то вполголоса переговаривались с беглецом. Через 3 дня на глазах у многих крестьян арестант бежал. Однако в погоню за ним отправились лишь солдаты-охранники и сельский староста. «Обывательские казаки», у которых лошади, вопреки требованиям, в этот день были в поле, отказались преследовать беглеца пешком. По мнению следователей, местные крестьяне познакомили беглеца с окрестностями, так как он бросился бежать не к покрытой лесом горе, а к безлесной вершине, за которой, однако, находился глубокий овраг, поросший густым лесом, где преследование было невозможно⁵³.

При расследовании дел о беглых обнаруживались казусы, объяснимые стремлением крестьян облегчить участь беглых. Так, этот самый Александр Батаев был задержан в повозке крестьянки с Саратовка Александропольского уезда Эриванской губернии, которая возвращалась с детьми из Еленовки, где работала в течение нескольких месяцев поденщицей. На допросе он назвал эту женщину своей женой. Она же сомневалась: «До сих пор не знаю, точно ли он муж мой, так как не видалась с ним со времени отдачи в рекруты [шесть лет.— *И. Д.*]. Однако при последующих допросах стала называть его мужем, а ее дети — батюшкой»⁵⁴.

В 1857 г. в Тифлисе был задержан бродяга Петр Овчинников, и в газете «Кавказ» появилось сообщение с описанием внешности и особых примет. После этого в суд явился воронцовский молоканин, выдавший себя за отца задержанного. Однако на очной ставке бродяга не мог назвать имя отца и других членов семьи. «Нетвердые, неопределяемые и сопровождавшиеся подсказами» ответы заставили чиновников усомниться не только в родственных связях этих людей, но и вообще, знакомы ли они⁵⁵.

Определенную часть беглых составляли преступники, бежавшие из-под конвоя. Боясь наказания, они прикидывались «непомнящими родства» или давали

заведомо ложные о себе сведения. Нередко во время следствия, длившегося иногда больше года, беглецам удавалось совершить новый побег. Некоторые задержанные бродяги в надежде облегчить наказание отказывались от сектантства и принимали православие (однако по российским законам смягчение ожидало только лиц, переходивших в православие из нехристианского вероисповедания).

Беглые, чьи показания не подтверждались, приговаривались к телесному наказанию розгами, сдаче в арестантские роты, отдаче на военную службу или к ссылке в Восточную Сибирь на срок от 8 до 12 лет или на каторжные работы. Их клеймили — на правой руке выше локтя ставили клеймо «Б»⁵⁶.

Строгие наказания предусматривались для бежавших солдат и рекрутов. Их дела рассматривал военный суд. Обычно их приговаривали к наказанию шпицрутенами и возвращению на военную службу. За поимку дезертира полагалось денежное вознаграждение⁵⁷.

Особое внимание уделялось следователями выявлению «пристанодержателей». Имена их тщательно выясняли. Однако администрация принимала во внимание, что арест «пристанодержателей» может ослабить экономическую состоятельность крестьянских хозяйств, и без того находившихся в тяжелом положении в первые годы после переселения. Поэтому обычно денежный штраф и арест (от 2 до 6 месяцев) заменялись телесным наказанием, «дабы... не подвергнуть его разорению, а семейство лишить пропитания»⁵⁸.

За помощь в сокрытии беглых могли наказывать и общество. Например, сельская община с. Никитино должна была заплатить 100 руб. за укрытие крепостной беглой⁵⁹.

Беглых крепостных следовало этапом отправлять помещику, который оплачивал все денежные издержки. Если в бегах крепостная выходила замуж за свободного жителя, то помещику необходимо было заплатить выводные деньги (150 руб.) и налоги за время отсутствия⁶⁰.

Правительство понимало, что административный аппарат не в состоянии справиться с розыском беглых на территории Закавказья и высылкой на прежнее место жительства. Кроме этого, вклад беглых в экономическое развитие региона был существенным: «все приписанные под чужими фамилиями молokane ходят на заработки, занимаются извозом, сенокосом, ремеслом и хлебопашеством, вообще народ трудолюбивый и полезный»⁶¹. В 1855 г. был опубликован «всемиловивейший манифест», который даровал прощение беглым и бродягам, если они сообщат точные данные о своем прежнем звании и месте жительства⁶².

Указ 1855 г. разделил всю массу беглых на две группы: первую составляли бежавшие в Закавказье от произвола помещиков, увеличения феодальных повинностей, преследования официальной церкви, другую — преступники, надевшиеся в новом крае скрыться от наказания.

После опубликования этого указа многие беглые обратились в Палату государственных имуществ с просьбой узаконить их пребывание в Закавказье, чтобы «избавиться от бродяжнической жизни», «оградить себя от всякого стеснительного пристрастия со стороны начальства»⁶³. Если показания подтверждались, то они получали разрешение приписаться к тому или иному городу или селению в Закавказье. Разрешение на отпуск помещичьих крестьян должен был дать помещик.

Естественно, что за разрешением на жительство не обращались лица, совершившие преступление, дезертиры, боявшиеся разоблачения: запросы во внутренние губернии могли означать для них конец свободной жизни и ссылку в Сибирь. Упорядочение административного контроля, усиление системы сыска в масштабах всего региона заставляли их бежать за пределы страны, в частности в Турцию, где, по слухам, прибывающим на жительство предоставлялись различные льготы и большое денежное пособие. В 1857 г. в Турцию был совершен тайный переход 84 человек русских, и вскоре после этого местным властям стало известно о готовящемся новом переходе беглых⁶⁴. Отношение крестьян к таким лицам, которые зачастую вели паразитический образ жизни, занимаясь воровст-

вом, грабежом, было негативным, и в конце 1850-х годов сельские «миры» не только не помогали в сокрытии бродяг, но и вели с ними борьбу. Случаи их задержания и сдачи местному начальству имели место в русских селениях Закавказья, в частности в Воронцовке, Новоалександровке Борчалинского уезда Тифлисской губернии⁶⁵. Таким образом, указ 1855 г. изменил отношение крестьянской общины к беглым.

После опубликования указа 1855 г. беглые крестьяне, получившие разрешение остаться на жительстве в Закавказье, должны были восполнить «недоимку» по поставке рекрутов. В 1857 г. внимание закавказской администрации было привлечено к групповым побегам рекрутов, выставленных от некоторых сельских обществ. В ходе следствия выяснилось, что многие из них были бродягами и дезертирами, их сдали в рекруты жители с. Новоивановка Елисаветпольской губернии.

Открывшаяся картина заставила администрацию образовать в 1858 г. Комиссию по выявлению фальшивопричисленных лиц. Деятельность Комиссии была характерна для края, недавно присоединенного к России, когда в процессе создания административного аппарата параллельно с постоянными органами работали временные комиссии, которые занимались решением внезапно возникших и остро стоящих вопросов. Временные комиссии обычно функционировали недолго и кончали свое существование с завершением работы. Комиссия по выявлению фальшивопричисленных лиц была расформирована через год — в 1859 г.

Комиссия выяснила, что некоторые русские селения Закавказья полностью были образованы беглыми, например, деревня Самиси Тифлисского уезда той же губернии, где к концу 1850-х годов насчитывалось 320 душ⁶⁶. Беглые были выявлены и в православных, бывших военных, поселениях, в частности, в с. Привольное проживало 90 бродяг и беглых — «крестьяне разных ведомств»⁶⁷.

Но поистине громадных размеров «пристанодержательство» беглых достигло в с. Новоивановке, основанном в 1853 г. По отзывам чиновников, это селение в Елисаветпольской губернии являлось «главным притоном всех беспаспортных, скитающихся бродяг». О роли его в укрывательстве беглых было известно среди крестьян не только Закавказья, но и внутренних губерний России. Географическое положение селения, находившегося в горах, покрытых лесом, который подступал к дворам поселян, создавало прекрасные условия для сокрытия беглецов. Судя по косвенным свидетельствам, к сокрытию беглых в Новоивановке были причастны крестьяне расположенных по соседству селений Михайловка и Новосаратовка.

В Новоивановке чиновники Комиссии сопоставили посемейные списки, составленные в 1857 г. сельскими властями, и наличное число крестьян и выяснили, что размеры семей были значительно увеличены с целью приписки бродяг, дезертиров, нередко под вымышленными именами. Им предписывалось «крепко держаться» фальшивого имени. Кроме того многих лиц (135 чел.), фигурировавших в списках, выявить не удалось⁶⁸.

Главы семейств не знали в лицо всех членов своей семьи. По свидетельству одного из сельчан, «всех ложно приписанных к его семейству он не знает». Возрастной состав семей производил странное впечатление: «мнимый сын не знает своего мнимого отца и своей матери, брат не знает брата, они старше летами отца, отец моложе внука, все они бродяги, из разных мест России, каждый из них имеет огромные семейства, имена членов которого лишь только знают наизусть, но в лицо никого не знают»⁶⁹.

В результате следствия в Новоивановке 27 зачинщиков в деле приписки фальшивых лиц и ложной сдачи рекрутов были отданы под суд, около 30 человек успели скрыться.

Комиссией было выявлено в Закавказье более 1100 беглых, в основном выходцев из крепостных крестьян Саратовской губернии, хотя, естественно, истинная численность беглых превышала указанную в несколько раз. Они делились на две

группы: беглые, причисленные к сельским обществам под настоящими именами, и беглые, причисленные под вымышленными именами. Первая группа насчитывала 399 чел., из них подлежали судебному наказанию, т. е. были старше 14 лет, 293 чел. Из 705 чел., составлявших вторую группу, куда входили не только беглецы, но и дезертиры, наказанию подлежали 448 чел.⁷⁰

Следствие по выявлению фальшивоприсчисленных лиц было завершено в 1861 г. Руководствуясь указом от 17 марта 1860 г., согласно которому всех поселян, переселившихся из одной губернии в другую, разрешалось водворять там, где они проживают, судебная коллегия приняла решение оставить беглых и бродяг в Закавказье. В отношении лиц, приспанных под фальшивыми именами, которые по закону подлежали наказанию, также было принято решение о ненаказуемости их, учитывая многочисленность и бедность обвиняемых и их семейств⁷¹.

Итак, во второй трети XIX в. имела место широкая стихийная миграция русских крестьян в Закавказье. В 1830-е годы слабый административный аппарат еще не имел возможности строго контролировать прибытие и перемещение переселенцев в крае, что позволяло беглым легализовывать свое положение с помощью сельских миров, которые оказывали беглецам не только моральную, но и экономическую помощь. Однако по мере укрепления власти в регионе правительство вернулось к строгому курсу в отношении беглых и отходников, проживающих с просроченными паспортами, но реальные возможности возвратить беглецов на прежние места жительства отсутствовали. Кроме того, роль беглых в экономическом развитии края была достаточно велика, что осознавалось администрацией. Значительная часть беглецов прочно оседала на земле и пополняла состав главной производительной силы, каковой являлось крестьянство.

По мере усиления системы сыска (в результате укрепления бюрократического аппарата) условия существования беглых становились все более трудными. Кроме того изменилось и отношение крестьян, особенно сектантов, к беглецам. Экономическое благосостояние русских общин, свободное соблюдение религиозных предписаний и обрядов способствовали тому, что сектанты постепенно утрачивали былую оппозиционность к «власти предержавшей», вплоть до помощи в поимке беглых. Начиная с 1860-х годов массовые побеги крестьян в Закавказье прекратились.

Примечания

¹ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964; Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Мамсик Т. С. Побеги как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 50—90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978; Завакина А. А. Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX в. Рига, 1986.

² Статья построена на архивных документах Центрального государственного исторического архива Армении (далее ЦГИА Армении) — фонд Эриванского губернского суда (ф. 65), ЦГИА Грузии — фонд Департамента государственных имуществ главного управления наместника Кавказского за 1859—1867 гг. (ф. 240), фонд Грузинской епархии (ф. 488).

Судебно-следственные дела представляют комплекс разнотипных источников, подобранных по трафаретной схеме. Обычно они открываются рапортом или донесением представителя губернской администрации о задержанном или явившемся с повинной беглеце, об обстоятельствах, сопутствующих этому. Далее следуют протоколы допросов подсудимого, запросы по его показаниям в правления той губернии, откуда был родом беглец, показания родственников и «повальные обыски» бывших односельцев, подтверждавших личность задержанного. Следователи тщательно вели дело, использовали повторные допросы, очные ставки обвиняемых и свидетелей и т. п. Итогом следствия являлось составленное в губернском суде решение, включающее в себя краткое изложение всех вышеперечисленных документов и заключение губернского суда с указанием всех тех законодательных актов, которым руководствовался суд (иногда их текст приводится полностью). Последний документ дает возможность проследить политику закавказской администрации в отношении беглых на протяжении интересующего нас отрезка времени. К этим документам следует относиться с осторожностью, учитывая происхождение документов, составленных чиновниками с позиций феодального государства и господствующей церкви. По вполне понятным причинам эти документы не могли отражать всех истинных мотивов в поведении беглецов и укрывателей крестьян. Тем не менее в целом судебные дела позволяют выявить причины,

мотивы, цели, обстоятельства побега, а также дают достаточно объективную картину жизни беглецов и их взаимоотношений с русскими переселенцами.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. V. № 4010. Собр. постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 104—105.

⁴ Михайлов Б. Ф. Некоторые особенности языка военных русских поселенцев Тифлисской губернии // Сб. отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1911. Т. 89. № 2. С. 1.

⁵ Подсчитано на основе «Свода статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.» Тифлис, 1895.

⁶ Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России 1800—1860. М., 1980. С. 40—42.

⁷ В документах нередко были указания, подобные этому: «он не состоял в наших списках, а только ехал с нами в дороге» (ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 90, Л. 10 об.).

⁸ ЦГИА Грузии. Ф. 26. Оп. 1. Д. 7321. Л. 11—11 об.

⁹ Чистов К. В. Русские народные социально-политические легенды. М., 1967. С. 315.

¹⁰ Там же. С. 309.

¹¹ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 1. Д. 452. Л. 14. ЦГИА Армении. Ф. 133. Оп. 1. Д. 363—367.

¹² Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937. С. 49.

¹³ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 1. Д. 79. Л. 35. В документах допроса крестьян вместо слова «бежал» фигурирует «отлучился».

¹⁴ ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 351. Л. 71 об.— 72.

¹⁵ Там же. Л. 36.

¹⁶ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 2. Д. 193. Л. 49 об, 50.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 209. Л. 56.

¹⁸ ПСЗ. Собр. постановлений по части раскола. С. 233—234.

¹⁹ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 1. Д. 452. Л. 47.

²⁰ ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 219. Л. 16.

²¹ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 1. Д. 454. Л. 6; Оп. 2. Д. 193. Л. 49, 50.

²² Там же. Оп. 1. Д. 454. Л. 14.

²³ Там же. Д. 452. Л. 90.

²⁴ Собр. постановлений по части раскола... С. 182, 190, 200, 233—234.

²⁵ История Саратовского края. 1590—1917. Саратов, 1964. С. 12.

²⁶ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 2. Д. 213. Л. 64.

²⁷ ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 404. Л. 49 об.— 50.

²⁸ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 2. Д. 213. Л. 63.

²⁹ ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 404. Л. 51.

³⁰ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 1. Д. 454. Л. 9.

³¹ Там же. Л. 193. Л. 49 об.— 51.

³² Там же. Д. 80. Л. 19—20.

³³ Там же. Д. 122. Л. 28—31.

³⁴ ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 337. Л. 24.

³⁵ Там же. Д. 254. Л. 8.

³⁶ Там же. Д. 337. Л. 23 об.

³⁷ Там же. Д. 203. Л. 16. ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 1. Д. 452. Л. 47 об.

³⁸ ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 584. Л. 2 об.

³⁹ Архив Музея истории религии и атеизма. № 16. Оп. 10. Д. 25, св. 272. Л. 1—4.

⁴⁰ Долженко И. В. Структура и численность русских крестьян Восточной Армении (XIX — начало XX в.) // Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1982. № 3(98). С. 165—175.

⁴¹ ЦГИА Армении. Ф. 133. Оп. 1. Д. 363. Л. 6 об.

⁴² Там же. Л. 8 об.

⁴³ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 1. Д. 213. Л. 5 об., 42—44.

⁴⁴ ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 337, 404.

⁴⁵ Там же. Д. 91. Л. 59.

⁴⁶ Там же. Д. 90. Л. 82.

⁴⁷ Там же. Л. 10, 45, 48 и др.

⁴⁸ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 2. Д. 368. Л. 2.

⁴⁹ ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 90. Л. 36.

⁵⁰ Там же. Л. 82 об.

⁵¹ Там же. Л. 85 об.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Д. 91.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Д. 258. Л. 73.

⁵⁶ Там же. Д. 245. Л. 36.

⁵⁷ Там же. Д. 91. Л. 6.

⁵⁸ Там же. Ф. 65. Оп. 1. Д. 90. Л. 126 об. Д. 125; Д. 91. Л. 30.

⁵⁹ Там же. Д. 90. Л. 127—128.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ЦГИА Грузии. Ф. 239. Оп. 1. Д. 806. Л. 31 об.

⁶² ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 337. Л. 24 об.; ЦГИА Грузии. Ф. 240. Оп. 1. Д. 80. Л. 9 об.— 10.

⁶³ Там же.

- ⁶⁴ ЦГИА Армении. Ф. 65. Оп. 1. Д. 337.
⁶⁵ Там же. Л. 24. Д. 404. Л. 25.
⁶⁶ ЦГИА Грузии. Ф. 240. Д. 452. Л. 17.
⁶⁷ Там же.
⁶⁸ Там же. Л. 90 об.
⁶⁹ Там же. Ф. 239. Д. 806. Л. 31 об.
⁷⁰ Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 452. Л. 20—22.
⁷¹ Там же. Л. 21.

Russian Refugees in the Caucasus (Towards the history of Russian Diaspora in the region in 1830—1850).

The Russian population of the region began to form as an unintended result of the government's policies of deportation of the Dukhobors and Molokans, and of land allocation to retired soldiers. Another source of the population were runaway serfs and draftees, craftsmen on seasonal jobs and escaped convicts. Sectarians settled in villages of their own, with fugitives settling in their midst. Special agencies were set up to spot runaways, but, once found, the fugitives were commonly left where they were. From 1850 onward, this sort of spontaneous colonization came gradually to an end.

I. V. Dolzhenko

© 1995 г., ЭО, № 1

Томаш Марциняк

МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩИНЫ В ПОЛЬШЕ

Целью настоящей работы является исследование истории и современного положения мусульманской общины в Польше. Автор надеется, что его статья, несмотря на краткость, приблизит эту проблему к кругу интересов зарубежной научной общественности и внесет свой вклад в дискуссию на тему национальных и конфессиональных меньшинств в европейских государствах.

В Польше можно выделить три основные группы внутри мусульманского меньшинства. Критериями, определяющими различия между этими группами, являются время пребывания данной группы в Польше, степень ее натурализации и интеграции в польскую культуру.

Первую группу составляют так называемые «польские татары», или поляки (граждане Польши) татарского происхождения, проживающие на восточных землях Польши (в ее нынешних границах) уже несколько веков. Ниже мы попробуем подробнее охарактеризовать значение этой группы для польской культуры и истории.

Вторую группу образуют выходцы из арабских стран, которые прибыли в Польшу в начале 1970-х годов для учебы в высших учебных заведениях. Часть этих студентов осталась в Польше навсегда, причем многие вступили в браки с поляками. Эта группа стала главным объектом проведенных нами социологических исследований, результаты которых представлены в данной статье.

Третья группа появилась совсем недавно. Это — беженцы-мусульмане Боснии, где приверженцы ислама воспринимаются как «национальное меньшинство».

Польские татары

Мусульманские группы на северо-востоке Польши существуют более 600 лет. Это самые старые мусульманские общины в странах христианского мира, которые никогда не были под господством мусульманских властителей.